

МЕЧТЫ И РАЗОЧАРОВАНИЯ А. ПЛАТОНОВА («РАССКАЗ О ПОТУХШЕЙ ЛАМПЕ ИЛЬИЧА»)

О. А. Бердникова, Т. Н. Голицына

Воронежский государственный университет

Поступила в редакцию 28 августа 2018 г.

Аннотация: в статье исследуется раннее творчество А. Платонова в аспекте «электрической темы», раскрывающей представления молодого писателя о роли достижений технического прогресса и революционных преобразований в жизни простого человека. Изучается соотношение сложных и трагических событий становления советской действительности и языка как феномена, номинирующего эти события. Выявлена оригинальность образа света в рассказе и основная авторская интенция — перестановка акцента с мотива обретения света на мотив его потери.

Ключевые слова: А. Платонов, рассказы 1920-х годов, «электрическая тема», образ света, язык как феномен эпохи, потеря светлого начала.

Abstract: this article deals with A. Platonov's creative work of an earlier period in the aspect of "electric theme", revealing the view of a young writer on the role of technological progress and revolutionary changes in the lives of ordinary people. The author investigates the balance of the difficult and tragic events of the Soviet reality and language as a phenomenon which is the nominator of these events. The originality of the image of the light in the story is determined as well as the author's main intention — accent changes from the motive of finding light to the motive of losing it.

Key words: A. Platonov, stories of the 1920s, "electric theme", the image of the light, language as a phenomenon of the epoch, the loss of a bright source.

Последнее десятилетие XX века было временем обретения и открытия А. Платонова как вершинной фигуры отечественной и мировой литературы. Сегодня о писателе написаны монографии, изданы сборники трудов по материалам многочисленных конференций, продолжает вестись текстологическая работа, выходят первые тома научного издания собрания сочинений. Ученые по-прежнему много пишут о таких шедеврах писателя, как «Котлован», «Чевенгур», «Счастливая Москва», «Шарманка», «Сокровенный человек», «Епифанские шлюзы», «Джан», «Река Потудань», «Фро», военные рассказы.

Однако в наши дни, спустя сто лет после революции 1917 года, актуализируются те произведения писателя, которые были написаны в воронежский период — время постреволюционной романтики, мечты о том, «чтоб сказку сделать былью». Т. А. Никонова справедливо утверждает, что «сегодня уже нет необходимости доказывать, что Платонов был художником революции и оставался верен идеалам своей юности на протяжении всей жизни» [1, 91]. Однако относить писателя к писателям советским столь же ошибочно, как и к антисоветским. Сегодня для нас важнее то, что в произведениях Платонова аккумулируются основные историософские, естественнонаучные, политические и духовные события XX века.

«Рассказ о потухшей лампе Ильича» входит в своеобразный цикл произведений А. Платонова 1926-1927 годов о «строителях страны»: это «Родина электричества», «Песчаная учительница», «Луговые мастера», «Сокровенный человек». Вместе с тем этот рассказ выделяется уже потому, что автор неоднократно менял название, предлагая несколько вариантов, при этом происходил существенный смысловой сдвиг: «Как зажглась лампа Ильича», «Лампочка Ильича», «Рассказ о потухшей лампе Ильича». Это свидетельствует о сознательной правке автора, стремящегося точно передать важный для него смысл.

«Рассказ о потухшей лампе Ильича», разумеется, под своим первым — оптимистичным — заголовком («Как зажглась лампа Ильича») был напечатан сразу после написания, в 1926 году, в «Журнале крестьянской молодежи». Под этим же заголовком рассказ печатался в разных изданиях советского времени [2]. В беловом автографе сам Платонов изменил заголовки на «Рассказ о потухшей лампе Ильича» с позже зачеркнутым подзаголовком «По письму крестьянина Фрола Ефимовича Дерьяменко», причем «слово «потухшей» вписано над строкой» [3, 523], и под этим заголовком рассказ был напечатан в сборнике «Епифанские шлюзы», вышедшем в 1927 году. Между тем пессимистический заголовок и сам автор, и первые критики связывали с фактом поджога

электростанции кулаками, то есть с классовой борьбой в деревне. Но современный писатель О. Павлов справедливо пишет о том, что «великая картина платоновской прозы — это не копия с реальности тех самых лет, а явленная действительность будущих событий» [4, 15]. В этом аспекте метафизические смыслы и прогностическая значимость произведений писателя, в том числе и этого рассказа, становятся особенно очевидными в наши дни.

По основной теме «Рассказ о потухшей лампе Ильича» образует своего рода диптих со знаменитым рассказом «Родина электричества», с которым он вступает уже на уровне заголовочного комплекса в антиномичные отношения. Переключка названий деревень «Рогачевка — Верховка является одним из доказательств диалогичной связи двух произведений [5, 740]. Но если «Рассказ о потухшей лампе Ильича» может быть осознан как текст, в котором предвосхищаются идеи и образы «Чевенгура», то «Родина электричества» по факту публикации в 1939 году, по мнению Н. В. Корниенко, уже отнесена и к «постчевенгурскому тексту».

«Родина электричества» и «Рассказ о потухшей лампе Ильича» позволяют говорить и об особой — электрической — теме в творчестве Платонова, который к тому же является автором целого цикла так называемых «электрических» статей: «Золотой век, сделанный из электричества», «Электрификация», «Новое Евангелие», «О культуре запряженного света и познанного электричества», «Огни Волхов-строая» и др.; в воронежской газете «Красная деревня» еще в 1920 году он опубликовал статьи «Что такое электрификация», «Электрификация нашего края». Электрификация для Платонова — «второе мировое событие после Октября 1917 года в истории человечества» — так оценивает он, в частности, открытие Волховской ГЭС [6, 156].

Именно «столь пылкая “любовь к электричеству”» (И. Савкин) формирует в этот период мировоззренческие и даже эстетические пристрастия писателя. Так, в 1922 году воронежская газета «Коммуна» опубликовала «уничтожающую рецензию А. Платонова на книгу его визави — профессора и ректора Петроградского университета Льва Платоновича Карсавина «Петербургские ночи» («Noctes Petropolitanae»), вполне в духе настроений Серебряного века начинавшейся словами: «Погас, наконец, — как всегда предательски неожиданно — мертвый свет электричества» [6, 157]. Причем в этой короткой, гневной рецензии особенно узнаваем молодой писатель, автор страстных, полных классового негодования агитационных стихов, регулярно печатавшихся в 1920-м году в газете «Красная деревня» [7].

Хорошо известно, что сам писатель как инженер в молодости занимался электрификацией и мелиорацией, построил электростанцию в селе Рогачевка,

что и легло в основу сюжетов «Родины электричества» и «Рассказа о потухшей лампе Ильича». Первоначально Платонов попытался воплотить свой замысел под заглавием «Рассказ о постройке сельской электростанции (По письму друга-инженера)». «Здесь рассказ об электростанции должен был вестись от лица инженера Михаила Платоновича, председателя комитета по постройке гидроэлектростанции на реке Дон» [3, 524]. Эта повествовательная стратегия была реализована в «Родине электричества», где опыт строительства электростанции Платонов и воплощает в автобиографическом герое — молодом инженере.

Героем «Рассказа о потухшей лампе Ильича» становится бывший крестьянин, ставший электриком. «Подобная замена рассказчика выглядит удачной с точки зрения агитационного воздействия текста — проводником идеи электрификации в этом случае оказывался человек из крестьянской среды» [3, 524]. Но точка зрения такого рассказчика существенно изменила многие оценки, связанные не только с агитационными задачами.

К 1926 году в мир платоновской прозы входит тот самый «сокровенный человек», в роли которого выступает, как называет себя Фома Пухов, «природный дурак», то есть простой человек,веряющий все происходящее не только и не столько умом, сколько сердцем. Таков Фрол Ефимович Дерьяменко — герой-рассказчик «Рассказа о потухшей лампе Ильича», неблагозвучная фамилия которого связана с его крестьянским происхождением, причем это имя собственное находится в инициальной позиции текста: «Моя фамилия Дерьяменко. Идет она от барского самоуправства» [3, 49]. Как известно, помещики могли давать фамилии своим крестьянам, часто неблагозвучные и обидные. Но рассказчик, на первый взгляд, относится к своей фамилии спокойно, даже с определенной долей эпатажа, герой не рефлексирует по этому поводу, о чем свидетельствует объяснение значения его фамилии и повторение эпитета «барский». Повествование, таким образом, начинается с декларативного самоутверждения героя — я свободная равноправная личность, несмотря ни на что. Это подтверждает и речь рассказчика — в начале текста она литературна, даже не без влияния книжности: употребляются сложные предложения, высказывания «расположение имеет», «предки».

Имя-отчество-фамилия героя служат своеобразным ключом к пониманию рассказа. В имени героя ощущается вполне определенный смысловой сдвиг: здесь сталкиваются абсурдность фамилии (Дерьяменко) и высокая духовная семантика имени и отчества (Фрол — простонародный вариант имени Флор — означает «цветение, цветущий», а имя его отца — Евфимий — «благочестивый») [8, 687]. Таким образом автор создает некий третий смысл повество-

вания — гротескный иррационализм происходящего, «жажду невозможного».

По этому же принципу почти анекдотичное начало повествования неожиданно смыкается с рассказанным героем преданием о Тимуре, отсутствовавшим в первом варианте текста: «И вот будто бы Тимур влюбился раз в степную красавицу гречанского рода, родил от нее сына Тимурлыка и ускакал бить балканцев. Гречанка от горя иссохла и умерла вместе с сыном-ребенком, вернувшийся Тимур так затосковал по своей скончавшейся любимой семье, что велел войску своему и пленным горстями насыпать два памятных кургана, а сам Тимур носил и сыпал землю мечом» [3, 49]. Стилистика этого фрагмента выявляет личность человека, недостаточного образованного, но гордящегося своей информированностью. И заканчивается этот исторический экскурс рассказчика еще более семантически неожиданным эпилогом, характеризующим героя как мечтательного, рассуждающего и поэтически одаренного человека: «Уже давно стерлась тоска в сердце Тимура, а курганы все стоят, и их не стерли ни ветер, ни вода. Вот что значит сердце человека.

Когда я гляжу на эти курганы, у меня начинается тоска и я чувствую в себе добросовестность» [3, 50].

Сердце какого человека имеет в виду герой Андрея Платонова? Что общего в тоске Тимура и тоске Фрола Ефимовича Дерьменко? Этим совершенно разных персонажей, на наш взгляд, объединяет любовь. Курганы воспринимаются рассказчиком не только как памятник любви, но и как дело рук человеческих. Но если Тамерлан тоскует по любимой женщине и сыну, то Фрол Ефимович тоскует по своей первой электростанции как о возлюбленной. Любовь и память воплотились в возведенных курганах, а у Фрола любовь получила свое логическое завершение в построении электростанции. И вечный созидательный труд создает в душе героя «добросовестность».

Добросовестность в этом контексте можно интерпретировать как стимул, зов к новому творчеству во имя людей. Электростанция — это его «мечтание». Именно электростанцией «темная долина Тамлыка была впервые освещена от сотворения мира» [3, 57]. Для героя Платонова появление электрического света подобно новому сотворению мира, но уже не Богом, провозгласившим о сотворении Света, а человеком, овладевшим техническими знаниями.

Вот почему еще один временной план повествования — рассказ героя о начале двадцатых годов и строительстве электростанции — также начинает восприниматься как предание. Но теперь герой погружен в привычную ему среду, при этом меняется характер его речи. В соответствии с авторской интенцией вводятся включения из газет («чудеса плодородия», «приведен в показательный поря-

док»), профессиональная лексика («электротехника сильных токов», «вводы на сто дворов»). При этом основной стилистический фон составляют просторечия («никакого хозяйского ухажерства», «вдрызг изломали», «любитель этих делов»). Они являются своеобразными сигналами близости рассказчика к односельчанам, в речи которых преобладают просторечия и диалектизмы: «общество», «ходовитый», «знаем мы этих изобретателей», «лепестричество», «нужон», «рыск» [3, 49–58].

В этой связи характерна речь председателя коллективного товарищества. На наш взгляд, это блистательная лингвистическая миниатюра, демонстрирующая человека, в сознании которого перемешались старые привычные понятия и недостаточно осознанные и осмысленные новые наименования. Создается впечатление, что председатель мучительно косноязычен, и для того, чтобы выразить свои мысли, он обращается к чужой, заимствованной речи, мало известной ему. Этот диссонанс производит на читателя комическое впечатление: «Фрол Ефимович — тоже смычка...Что мы видим? Мы видим лампу Ильича, но не видим тут дорогого Ильича, не видим великого мудреца, который повел на вечную смычку двух апогеев революции — рабочего и крестьянина. И я говорю: смерть империализму и интервенции, смерть всякому псу, какой посмеет переступить наши рубежи. Пусть явится в эту залу Чемберлен либо Лой Жорж — он увидит, что значит завет Ильича, и он зарыдает от своего хамства... И я говорю: помни завет вечного Ленина, носи его умное лицо в своем несчастном сердце» [3, 56]. В конце своей речи председатель «заплакал и вынул кисет». Слезы персонажа свидетельствуют, с одной стороны, о том, что он искренне проникся содержанием и пафосом своей речи, с другой — он совершенно обессилел в борьбе с языком.

Чрезвычайно интересна и речь мужика Федора Фадеева. Как сказано в тексте рассказа, он выступил «всем на удивление». В своей речи он прибегает к цитате из Священного Писания: «Сказано в писании: вначале бе слово... Нет, граждане, сначала был свет, потому что терлись друг о друга куски голой земли и высекалось пламя... Граждане, ведь мы слышали сейчас задушевное слово наших вождей и видим, что действительно электричество есть чистота и доброе дело...» [3, 57]. К своему удивлению и удивлению собравшихся, он проговорил целый час. Его ораторский экспромт закончился тем, что он «сбился и весь вечер не мог очнуться от своей речи» [3, 57]. Но интересно и то, что его слушали так долго, и содержание его речи никого из односельчан не удивило. Видимо, привычная отсылка к сакральному тексту послужила весомым аргументом для слушателей.

Интересно в этом отношении для сравнения обратиться к «Родине электричества», в которой крестный ход описывается со свойственной Плато-

нову иронией, заключенной в одной фразе, где «подчас больше сатиры, чем в сюжете иного сатирика» (В. Боков) [9, 176]. Крестные ходы и молебны о ниспослании дождя летом 1921 года Платонов видел в Задонске, «на родине отца и матери, той самой земле предков, что, по выражению писателя, «пробуждала крестьянский остаток» души. Он стал свидетелем бедственного положения местных жителей и переселенцев из охваченных голодом губерний Поволжья, хотя засуха коснулась и более благополучных регионов» [10, 65]. В «Родине электричества» описание иконы, священника, богомольцев — все проникнуто сарказмом героя-рассказчика — образованного молодого человека атеистических убеждений.

Но в «Рассказе о потухшей лампе Ильича» именно благодаря тому, что представлена точка зрения рассказчика-крестьянина, нет ни одного иронического комментария по поводу сакральных тем или упоминания о них. Более того, ожидание света в день открытия станции соотносится в сознании Фрола с ожиданием чуда, проистекающего от святости: «Было сухо — народу съехалось, как на обношение мощей в старое время» [3, 56]. Во второй авторской редакции появляется разговор о «царской букве» ять, уже изъятой из употребления после реформы орфографии, в отношении к которой один из персонажей требует уважения: «Букву не лай, — говорит сиделец, — она довоенного качества» [3, 53].

На наш взгляд, в рассказе А. Платонова представлены не только события становления советской действительности, запутанные, сложные, трагические, но и язык, номинирующий эти события как феномен. Он также запутан, часто абсурден. Создается впечатление, что люди, созидающие новую жизнь, учатся говорить новым языком. Он предстает перед ними как некий лабиринт, из которого трудно выйти. Погружаясь в новую действительность, они как бы преодолевают языковые барьеры. По причине языка «неученых героев» Платонова, чтобы быть поставленными в ряд, его произведения «нуждаются в «обратном переводе на язык культуры», ибо автор свободен «от уже известных способов «производства истины», от навязываемых культурой форм мышления» [11, 215].

В произведениях «электрической» темы оригинально представлен сам образ света, часто свет сравнивается с водной стихией: «Свет упал в темную залу, как ливень: три тысячи свечей пожертвовал сюда Прошка. Все зажмурились и нагнулись — как будто лилась горячая вода» [3, 57]. В «Родине электричества» на вопрос «что такое электричество» герой отвечает: «Молния», на что Чуняев произнес: «Ах, молния! Вон что! Гроза и ливень...» [2, 267] По степени жизненной надобности электрический свет Платонов и его герои соотносят с живительной силой, с тем, что спасает от голода и смерти. В сознании

персонажей возникает некая ценностная шкала: электричество — свет — вода — хлеб — жизнь — социализм.

Свет, приносимый электричеством (электрификация), и вода, орошающая поля (мелиорация), воспринимаются Платоновым как технические новшества, которые реально помогают преодолеть страдания человека, идущие от тьмы, голода и засухи. Видимо, поэтому в повести «Происхождение мастера», ставшей начальными главами «Чевенгура», мастеровой Захар Павлович обижается на «правильность действия часов» церковного сторожа и «поездов» из-за их, как он считает, «равнодушия к страданиями человека» [12, 68].

Однако выполненная «жизненная задача» по мелиорации и электрификации по-разному оцениваются героем-инженером и героем-крестьянином: в «Родине электричества» мелиоратор возвращается в город к матери с чувством удовлетворения от сделанной работы, а Фрол Дерьменко думает уйти в город, мучимый не только собственной ненужностью в деревне, но и вопросом о смысле всего происходящего: «Теперь стоит в Рогачевке линия, висят фонари, а лампочки в хатах засижены мухами до потускнения стекла» [3, 58]. Герой «Родины электричества» уверен, что провода от электростанции смогут охранять «от тьмы революцию» в деревне, а Фрол уже констатирует потемнение, «потухание» — в прямом и переносном смысле — света новой жизни.

Произошла своеобразная подмена: если при открытии электростанции свет воспринимается как диво, радость, сияние, победа, то в финале Платонов фиксирует обыденность, снижение значимости чудесного события света, знаками которого становятся мухи и «куры-плимутроки». Этим, на наш взгляд, обусловлена авторская интенция смены названия рассказа, перестановка акцента с мотива обретения света на мотив его потери. Символ бессмысленности, по А. Платонову, — курица плимутрок: «Хотя на что нужны куры кровному электромеханику?» [3, 58]

Проблема «спасения» революции от давления быта и повседневности — основная тема литературы 1920-х годов, и в этом отношении Платонов идет в общем русле советской прозы. Однако в рассказе возникает метафизический уровень, вводимый в самом начале легендой о Тимуре, которая заявляет мотив памяти и ее вещественных атрибутов. Лампа как память о великом вожде приравнена к курганам памяти, но в профанном виде: курганы Тимура «не стерли ни ветер, ни вода», и они вызывают в сердце человека «добросовестность», а лампы Ильича потускнели от мух и грязи. По сути, рассказ имеет и анекдотичный финал, который не соотносится с содержанием легенды о Тамерлане, с ее высоким патетическим началом.

Между тем не случайно в рассказе упоминается брат рассказчика, Семен, помогавший ему во всех его делах, ставший «кровным электромехаником», но «окончательно» освещивший в деревне и разводивший кур-плимутроков. Завезенная из Америки в Россию в начале XX века особая порода кур также является профанной проекцией того увлечения новыми достижениями науки, которое быстро распространялось в революционную эпоху. Эта курица в соответствии с позицией автора — символ бездуховного, костного мира, физиологическое проявление пошлости, мещанства. Платонов презирает все, что воплощает прозаическую действительность.

Возможно, в этом рассказе уже закладывается идея писателя о двух «природах» человека, которая нашла свое воплощение в «Чевенгуре», в образах Саши Дванова — человека творческого, думающего и Прошки — человека бытового, приземленного. И если Семен «окончательно» остается в деревне, то Фрол ее «окончательно» покидает — думает «опять уйти в город и поступить там на электростанцию линейным монтажником» [3, 58].

У Фрола любовь к электричеству как детищу революции вышла на уровень сокровенности, сердца, творчества: «Любой труд становился искусством, если он имел своей конечной целью преобразование жизни — дух революционной романтики 1920-х годов. Поэтому статус творческого акта приобретали у писателя электрификация, гидрофикация, мелиорация — инженерные и технические проекты, к которым сам писатель приложил руку» [13, 41]. В этом отношении «куры-плимутроки» и потускневшие лампы — упрек не деревне как таковой, а ее неспособности стать «родиной электричества», кровно воспринять творческий дух революционной эпохи. Сам автор и его герои верили, что чудесами техники можно преобразовать сознание человека, изменить отношение к миру, наполнить сердце, осветить и освятить душу человека.

В финальной фразе рассказа («Хотя на что нужны куры кровному электромеханику?») кроется заключенная в самой «грамматике» (С. Семенова) философичность повествования А. Платонова. Действительно, словосочетание «кровный электромеханик» демонстрирует платоновский метод «сближения слов» [7, 176], в смысловом плане абсолютно не сочетаемых. Мотив родства, кровной привязанности к своему «роду-племени», отцу, семье, родовой памяти — важнейший в художественном мире Платонова, так или иначе представленный во всех его произведениях. Но революция предлагала новый тип со-кровенности, вытесняющий традиционные связи. Так в повести «Сокровенный человек» Фома Пухов размышляет о том, что «в религию люди сердце помещать привыкли, а в революции такого места не нашли», на что коммунисты советуют ему «любить свой класс» [2, 72]. Фрол, как и герои «Сокро-

венного человека», «Чевенгура», «Песчаной учительницы», принадлежит к той «десятой части» народа, к тем «десяти процентам чудаков в народе, которые на любое дело пойдут — и в революцию, и в скит на богомолье» [12, 164].

По Платонову, революционное делание и религиозное служение имеют один объект — душу человека, и если религию убрали, то задачу возделывания души полностью должна была взять на себя революция.

В «Рассказе о потухшей лампе Ильича» Платонов как бы нащупывает основную тему своих более поздних произведений — проблему души, взывающей нового бытия и новой вечности, но не могущей «заново родиться» [14, 19]. В этом контексте «потухшая лампа» — это и есть символ не родившейся «заново» народной души, трагизма бытия творческого человека, недостижимости идеала.

ЛИТЕРАТУРА

1. Никонова Т. А. Андрей Платонов в диалоге с миром и социальной реальностью. Монография / Т. А. Никонова. — Воронеж : НАУКА— ЮНИПРЕСС, 2011. — 220 с.
2. Андрей Платонов. Избранное / Сост. и послесл. В. М. Акимова / Андрей Платонов. — М. : Правда, 1983. — 448 с.
3. Андрей Платонов. Сочинения. Научное издание / Главный редактор Н. В. Корниенко / Андрей Платонов. — Москва, ИМЛИ РАН. 2004. Том первый: 1918–1927. Книга первая: Рассказы. Стихотворения / Редактор тома Е. В. Антонова. 645 с. Текст рассказа и комментарии к нему цитируются по этому изданию с указанием страницы.
4. Павлов О. После Платонова / О. Павлов // Страна философов Андрея Платонова: Проблемы творчества. Вып. 4. Юбилейный. М., ИМЛИ РАН, «Наследие», 2000. — С. 10–15.
5. Корниенко Н. В. «От «Родины электричества» к «техническому роману», и обратно: метаморфозы текста Платонова 1930-х годов / Н. В. Корниенко // Страна философов Андрея Платонова: Проблемы творчества. Вып. 4. Юбилейный. М., ИМЛИ РАН, «Наследие», 2000. С. 739–744.
6. Савкин И. А. На стороне Платона: Карсавин и Платонов, или об одной невстрече / И. А. Савкин // Творчество Андрея Платонова: исследования и материалы. Библиография. — Санкт-Петербург— ИРЛИ РАН, «Наука», 1995. — С. 153–162.
7. Антонова Е. В. «Каждый прожитый нами день — гвоздь в голову буржуазии...» (А. Платонов — автор лозунгов для «Красной деревни») / Е. В. Антонова // «Страна филологов»: Проблемы текстологии и истории литературы. К юбилею члена-корреспондента РАН Н. В. Корниенко. Сборник научных статей. — М. : ИМЛИ РАН, 2014. — С. 193–207.
8. Жития святых православной церкви. Составил священник и законоучитель Иоанн Бухарев. — М. : Издательство «Отчий дом», 1999 (репринтное издание). — 693 с.

9. Цит. по: Шошин В. А. Из писем к Андрею Платонову (по материалам рукописного отдела Пушкинского Дома) / В. А. Шошин // Творчество Андрея Платонова: исследования и материалы. Библиография. — Санкт-Петербург — ИРЛИ РАН, «Наука», 1995. — С. 163–206.

10. Алейников О. Ю. Андрей Платонов и его роман «Чевенгур». Монография / О. Ю. Алейников. — Воронеж : НАУКА— ЮНИПРЕСС, 2013. — 222 с.

11. Дронова Т. Мифологема «конца истории» в творчестве Д. С. Мережковского и А. Платонова / Т. Дронова // «Страна философов» А. Платонова: проблемы творчества. Вып. 4. Юбилейный. — М., 2000. — С. 215–224.

12. Платонов Андрей. Чевенгур. Путешествие с открытым сердцем. Роман / Андрей Платонов. — Воронеж : Центрально-Черноземное книжное издательство, 1989.

13. Грязнова А. Ю. Авторефлексия в творчестве А. Платонова 1920-х годов / А. Ю. Грязнова // «Воронежский текст» русской культуры: провинциальность как эстетический код литературы XX века. — Воронеж : НАУКА-ЮНИПРЕСС, 2013. — С.40–47.

14. Мамардашвили М. К. Проблема человека в философии / М. К. Мамардашвили // О человеческом в человеке / Под общ. ред. И. Т. Фролова. — М. : Политиздат, 1991. — С. 15–29.

Воронежский государственный университет

Бердникова О. А., доктор филологических наук, доцент, профессор кафедры русской литературы XX и XXI вв., теории литературы и фольклора

E-mail: olberd@mail.ru

Голицына Т. Н., кандидат филологических наук, доцент

кафедры русского языка

E-mail: olberd@mail.ru

Voronezh State University

Berdnikova O. A., Doctor of Philology, Professor of the Russian Literature of XX and XXI Centuries, Theory of Literature and Folklore Department

E-mail: olberd@mail.ru

Golitsyna T. N., Candidate of Philology, Associate Professor of the Russian Language Department

E-mail: olberd@mail.ru